

Укрощеніе бури на Геннисаретскомъ озерѣ.

Житейское море, воздвигаемое зря напастей бурею, къ тихому пристанищу твоему притекъ, воію ти, возведи отъ тли животь мой много-милостиве.

Иисусъ Христосъ былъ съ своими учениками около Геннисаретскаго озера. Увидѣвъ вокругъ себя множество народа, Онъ велѣлъ ученикамъ отплыть на другую сторону; и когда вошелъ Онъ въ лодку, за Нимъ послѣдовали ученики Его. Поднялась великая буря; волны били лодку, такъ что она заливалась водою. А Господь спалъ на кормѣ. Его будятъ и говорятъ Ему: Учитель! неужели Тебѣ нужды нѣтъ, что мы погибоемъ? Вставъ, Онъ запретилъ вѣтру и сказалъ морю: умолкни, перестань! Вѣтеръ утихъ, волненіе прекратилось и сдѣлалась великая тишина. И сказалъ имъ Господь: что вы бояливы? какъ у васъ нѣтъ вѣры? Присутствовавшие тутъ люди въ великомъ страхѣ и изумленіи говорили между собою: кто же это, что и вѣтры и море повинуются Ему? (Матѣ. 8, 18, 23—27; Мар. 4, 35—41).

Нужно было Господу переплыть озеро. Бого-человѣкъ, уступая естественнымъ требованіямъ человѣческой плоти, спалъ на кормѣ лодки. Поднимается буря. Находящаяся съ Господомъ обнаруживаютъ естественный страхъ, видя большую опасность, и въ этомъ страхѣ забываютъ, что съ ними находится Богъ, Который управляетъ всѣмъ, Который можетъ повелѣть природѣ приостановить свое естественное теченіе; забываютъ и высказываютъ свое маловѣріе, за которое укорилъ ихъ Господь, и потомъ доказалъ, что Онъ есть всемогущій Богъ: повелѣлъ бурѣ затихнуть и укротиться волненію морскому. И вдругъ вѣтеръ затихъ, и волненіе прекратилось, что при естественномъ порядкѣ невозможно: взволнованное море и по прекращеніи вѣтра долго волнуется. Это евангельское событіе картинно изображаетъ участь каждаго христіанина, обуреваемого страстями и похотями, готовыми затопить его. Кто изъ подвижниковъ не жаловался на сильное обуреваніе плотскихъ страстей? Эти страсти многихъ потопили, и топятъ въ своемъ круговоротѣ, когда человѣкъ бываетъ маловѣренъ и нетвердъ волей. Сколько гибнетъ людей отъ страстей честолюбія, гордости, корыстолюбія, сребролюбія, лихоимства, сладострастія, пьянства и другихъ страстей? И что всего печаль-

нѣе, эти несчастные пловцы житейскаго моря—христіане не помнятъ Христа, не могутъ искренно сказать Господу: спаси насъ, мы погибаемъ, мы погибнемъ, безъ Тебя; Ты самъ повели этимъ волнамъ страстей, съ которыми мы не сладимъ, затихнуть, умолкнуть. А сколько бѣдствій разнаго рода обуреваютъ насъ, и не даютъ намъ покоя, готовы потопить насъ? И многіе тутъ обнаруживаютъ маловѣріе, или совершенное невѣріе въ промыслъ Божій, томятся въ безутѣшной тоскѣ и нерѣдко позорно гибнуть. О! какъ горестно, какъ мучительно, какъ тоскливо жить безъ Бога, безъ Христа, нашего Спасителя падшему человѣку! Намъ, христіане, всегда нужно во всѣхъ опасностяхъ и житейскихъ обуреваніяхъ молитвенно звать къ Господу: Господи, спаси насъ: мы погибаемъ отъ множества прегрѣшеній, отъ великой слабости нашей природы! *Отврати очи мои еже не видѣти суеты. Пригвозди страху Твоему плоти моя.* (Псал. 118, 37, 120). Аминь.

Незримая жизнь въ пустынѣ міра сего.

(Дневникъ христіанина).

(Окончаніе).

Надо, по возможности, благоустроить земную жизнь, но надо и къ небу стремиться, гдѣ вѣчно блаженное наше жилище... А земля не перестанетъ быть юдолю болѣзни, слезъ, печали и воздыханій... Здѣсь мы можемъ быть истинно счастливыми только отрѣшавъ сердцемъ отъ всего земнаго; Царство Божіе находится внутри насъ самихъ... Можно и при самыхъ хорошихъ условіяхъ жизни быть несчастнымъ; и, наоборотъ—и въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ можно чувствовать себя счастливымъ, когда Царство Божіе внутри находится... Но Господь пребываетъ и царствуетъ только въ чистой душѣ; быть же чистымъ душой невозможно безъ аскетизма...

Богъ во свѣтъ живетъ неприступно, Его же никтоже видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ. (1 Тим. 6, 16).

Что этотъ свѣтъ, если не блистательная, непостижимая совершенства существа Божія?.. И такое-то Существо—намъ родное, по невыразимой любви Его къ чловѣку?! И такое-то Существо мы узримъ, придетъ время, лицомъ къ лицу?! Если чловѣкъ святой, т. е., въ которомъ сияетъ образъ Божій,—такъ прекрасенъ, достохваленъ, почитаемъ, любимъ; если съ такимъ чловѣкомъ считаютъ за честь и счастье бесѣдовать, или даже просто зрѣть его, находясь въ его присутствіи—то какимъ же наслажденіемъ будетъ для чловѣка созерцать вѣкогда красоту Божию, и чувствовать себя знаемымъ, роднымъ, любимымъ Богу?! Но и не говоря уже о Самомъ Создателѣ чловѣка, сколько на небѣ